

В.В. Перхин (Санкт-Петербург, Россия)

«Сплотила Великая Русь...»: Из истории подготовки и восприятия государственного гимна (июнь 1943 – апрель 1944)

Аннотация: В статье прослежена динамика работы поэтов, композиторов и государственной комиссии над текстом и музыкой гимна и восприятие их работы политическими руководителями страны, а также русской советской и эмигрантской прессой. Большинство источников впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Гимн, Советский Союз, С.В. Михалков, М.В. Исаковский, А.В. Александров, Д.Д. Шостакович, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, М.Б. Храпченко

V.V. Perkhin (St. Petersburg, Russia)

“United by the great Rus...”: From the History of the Genesis and Perception of the National Hymn (June 1943 – April 1944)

Abstract: The article deals with the dynamics of the work of poets, composers and the state commission on the text and music of the Hymn, and perception of their work by the political leaders of the country, as well as by the Russian Soviet and emigre press. Most sources are first introduced into scientific circulation.

Key words: Hymn, Soviet Union, Sergey Mikhalkov, Matvey Isakovsky, Alexander Aleksandrov, Dmitry Shostakovich, Iosif Stalin, Kliment Voroshilov, Vyacheslav Molotov, Mikhail Khrapchenko

Гимн Советского Союза (первая редакция) давно стал явлением прошлого. Опубликованы результаты изучения¹. Но, как часто бывает, немало осталось еще не открытого в истории его создания и восприятия после первой публикации. Цель данной статьи в том, чтобы частично восполнить пробелы как в знании процесса подготовки гимна, так и первых суждений о нем в политических верхах и в русской прессе.

¹ См.: *Михалков С.В., Дмитровский А.З.* Три гимна в XX веке. Калининград: Янтарный сказ, 2003; *Соболева Н.А.* Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза // *Вопросы истории.* 2005. № 2. С. 25–41; *Калашиников Г.В.* Гимны России: Пособие для средних школ, лицеев, гимназий. М.: Музыка, 2005; *Десярев А.Я.* Символы Отечества. М.: Парад, 2015; *Васильева И.А.* История государственных символов России: Учебное пособие. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2015.

Гимн как жанр многообразен¹. В русской истории известны не только разновидности государственного гимна², но и различные модификации этого жанра, создававшиеся по случаю того или иного значительного события в жизни людей³. В данной статье гимн означает «торжественную песнь, прославляющую единство и мощь государства и ставшую, наряду с государственным флагом и гербом, важнейшим элементом державной символики»⁴.

Цель данной статьи – воссоздать главные стадии работы авторов и государственной комиссии по подготовке гимна и установить особенности его восприятия как в «верхах», так и в русской советской и зарубежной прессе сразу после обнародования.

1

Если мы обратимся к текстам советской конституции, изданным в 1920–1930-е гг., в том числе и к той редакции, которая была принята на Чрезвычайном VIII Съезде Советов СССР в декабре 1936 г., а в последующие месяцы переиздана с дополнениями, то обнаружим, что там есть только глава о гербе и флаге⁵. Тогда было принято, что в тех случаях, когда государственная жизнь требовала исполнения гимна, им становился «Интернационал» – произведение французских авторов XIX в., пронизанное пафосом разрушения «всего мира насилья», а таким миром им мнился весь свет:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а потом
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Как видим, в основу этой строфы положен антиисторический тезис об отсутствии какой-либо преемственности между разными государственными формациями. Многие политики, пришедшие к власти в России после 1917 г., имели мышление, сформированное «Интернационалом». Лишенные исторической па-

¹ См.: *Юрченко Т.Г.* Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. редактор А.Н. Николюкин. М.: ИПК «Интелвак», 2001. Стлб. 177–179.

² См.: *Боже Царя Храни! 1833–1993: Сб.* СПб.: Царскосельское Военно-историческое общество, 1993.

³ *Кантаровский Я.* Гимн на благополучное бракосочетание их сиятельств графа Франциска Браницкого, великого корон-гетмана, разных орденов кавалера, и графини Александры Васильевны, урожденной Энгельгардовой, ее императорского величества камер-фрейлины... СПб., 1781; Гимн в первый день января 1806 года. М.: Университетская типография, 1806; *Писарев А.А.* Гимн русскому царю. М., 1826; Прощальный гимн. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1855; *Розанов В.* Народный гимн в воспоминание о двадцатипятилетнем царствовании царя-освободителя и царя, и отца русского народа Александра Николаевича. Веймар: Тип. Г. Ушмана, 1880; *Лопатовский И.И.* Сборник гимнов, маршей, русских народных и малорусских народных песен. Лодзь, 1903; *Приуральский К.* Гимн царю самодержцу и воинству земли русской. СПб.: Тип П.П. Сойкина, 1904; Прощальный гимн воспитанниц Харьковского института благородных девиц. Харьков: Тип фирмы А. Дарре, 1908; *Инполитов-Иванов М.М.* Гимн-марш 1812 г.: Для 2-х голос. хора с сопровожд. фп. / Сл. Е. Федотовой. М.; Лейпциг: П. Юргенсон, [1911]. К сожалению, опыт русской гимнографии теоретики жанра не осмыслиют.

⁴ *Юрченко Т.Г.* Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стлб. 179. Ср.: Б.п. Гимн // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 73–74; *Шкаренков П.П.* Гимн // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Intrada, 2008. С. 45–48.

⁵ См.: Конституция (Основной закон) Российской советской федеративной социалистической республики. М.: Издательство НКЮ, 1929. С. 26; Конституция Союза ССР и конституции союзных республик. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 25–26.

мяти, отвергая преимущество, эти политики и их пропагандисты видели в императорской России только «мир голодных и рабов». В ситуации 1930-х гг. пафос разрушения этого «мира» еще многих увлекал, но все сильнее был слышен пафос созидания, научных поисков, высокой культуры. Даже страх и страдания «большого террора» не могли его заглушить. Было замечено, что в культурной жизни наметился некоторый поворот к историческому прошлому¹. Н.И. Бухарин, известный своей борьбой со «старинными традициями», в феврале 1936 г. из тюремной камеры писал Сталину: «Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую политику, готовишь страну и к военной победе, хочешь опереться на все достойное – в том числе и на великие национальные традиции»². Поэтому в 1938 г. руководители ВКП(б), в которой «Интернационал» был внутривластным гимном, приняли решение создать свой современный партийный гимн. Его авторами стали поэт В.И. Лебедев-Кумач и композитор А.В. Александров. Пафос единства пролетариев всех стран в разрушении и освобождении от старого «мира насилия» сменился пафосом утверждения достижений советской страны и ее людей:

Великой отчизны свободные дети,
Сегодня мы гордую песню поем
О партии, самой могучей на свете,
О самом отважном отряде своем.
Славой овееяна,
Волею спаяна,
Крепни и здравствуй во веки веков,
Партия Ленина,
Партия Сталина –
Мудрая партия большевиков!

<...>

Страну Октября создала ты на свете,
Могучую родину вольных людей.
Стоит, как утес, государство Советов,
Рожденное силой и правдой твоей.
Советской державы стальная опора,
Ты выросла в буре, труде и в боях.
Боишься тебя угнетателей свора,
Для всех угнетенных ты – яркий маяк³.

Очевидно, что пафос разрушения отсутствует – он сменился пафосом прославления строителей Отчизны; на второй план отодвинут и пафос мирового единства пролетариев. Далекие от большевистской практики и лексики понятия («Отчизна», «вольные люди», «держава») указывали на национальную укорененность партии. Этот гимн ничего общего не имел с денационализированным «Интернационалом», чуть ли не находился с ним в полемическом противостоянии.

Но показательно, что на создание государственного гимна в конце того же десятилетия политическое руководство не решилось. Бытование «Интернационала» как гимна советской страны продолжалось, очевидно, потому, что в отличие от партии,

¹ Пресса сообщала, например, об открытии отдела древнерусского искусства в Третьяковской галерее. См.: Образ работы худ. Рублева // Литературная газета. 1934. 14 сент. С. 4. Примечательно, что редакция постаралась избежать употребления церковных слов «Троица» и «икона».

² «У меня одна надежда на тебя». Последние письма Н.И. Бухарина – И.В. Сталину. 1935–1937 гг. // Исторический архив. 2001. № 2. С. 56–57.

³ *Лебедев-Кумач В.И.* Гимн партии большевиков // *Лебедев-Кумач В.И.* Под красной звездой. М.; Л.: Детиздат, 1941. С. 8–9.

которой не было и сорока лет, в гимне о государстве надо было бы говорить о том, что оно существует много столетий. Диктат тех, кто по-прежнему хотел забыть об исторической России и начинать историю страны с 1917 г., был еще велик.

Анахронизм этой практики стал особенно очевиден и, вероятно, нетерпим на фоне мероприятий 1943 г., когда после победы в Сталинградской битве и разгрома германских танковых дивизий на Курской дуге ввели Орден Победы и Орден Славы, а ранее ордена Александра Невского, А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Весной 1943 г. был впервые проведен набор в Суворовские военные училища, которые рассматривались как историческое продолжение кадетских корпусов¹. Это было ходом текущей истории подсазанное прямолинейное утверждение преемственности русского исторического процесса. Стало ясно, что в большевистской России есть политики, способные учесть точку зрения тех, кто не потерял историческую память за все предшествующие годы ее искоренения.

18 февраля 1943 г. было прекращено издание журнала «Интернациональная литература»; 15 мая Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала принял решение о роспуске этой организации. Новые отношения складывались с Русской Православной Церковью. С самого начала войны она заняла патриотическую позицию. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, всю блокаду работавший в городе, в Пасхальном послании 1943 г. сказал: «Во всех нас заговорил русский, сын одного Отечества, и встали не за себя, не за личные блага, а за мать-Родину, которой грозит разрушение и гибель...»².

4 сентября 1943 г. митрополит Алексей вместе с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием были приняты председателем Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталиным, который поддержал намерение церковных кругов созвать Собор епископов и избрать Патриарха Московского и всея Руси и образовать Священный Синод³.

Сталин обещал поддержку, которая была необходима еще и потому, что многие священники были арестованы. Митрополит Сергей намекнул на это, используя биографию Сталина. Он сказал, что церковь в своих заведениях готовит кадры священников, а они потом становятся маршалами Советского Союза. Сталин, не так давно получивший это звание, понял и принял этот дипломатический ход: «Да-да, как же, я семинарист. Слышал тогда и о вас (в конце XIX в. Сергей был ректором Петербургской духовной академии. – В.П.). Мать моя до самой смерти жалела, что я не стал священником»⁴. Через четыре дня после этой встречи состоялся Архиерейский Собор, и Сергей был избран Патриархом Московским и всея Руси. Стал издаваться «Журнал Московской Патриархии».

В этом контексте понятно, почему отказ руководителей СССР от какого бы то ни было отождествления своих идеалов с идеями и образами «Интернационала», сочиненного в другой стране и с иной целью, стал насущным. Это было необходимо для расширения не только внешней, но и внутренней поддержки существующей власти. Пробудившаяся историческая память требовала устранить этот анахронизм.

¹ «Суворовские училища – преемники лучших традиций старых кадетских корпусов. Много замечательных офицеров и генералов русской армии начинали свой армейский путь кадетами» (Красная звезда. 1943. 1 дек. С. 1).

² *Алексий I* (Симанский Сергей Владимирович; Патриарх; 1877–1970). Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи: В 4 т. [Т. 1]: 1941–1948. М., 1948. С. 20.

³ Прием тов. И.В. Сталиным митрополита Сергия, митрополита Алексия и митрополита Николая // Правда. 1943. 5 сент. С. 1.

⁴ Цит. по: *Цыпин В.А., прот.* История Русской Православной церкви, 1919–1994. М., 1994. С. 134.

18 июня 1943 г. секретарь Московского областного комитета ВКП(б), начальник Совинформбюро и начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков собрал совещание. Были приглашены поэты (Н.П. Асеев, М.Ф. Рыльский, Н.Н. Бажан, М.А. Светлов, В.И. Лебедев-Кумач, С.П. Щипачев, В.М. Гусев, А.В. Софронов, А.А. Жаров, А.А. Сурков, Демьян Бедный, С.Я. Алымов) и композиторы (Д.Д. Шостакович, В.Я. Шебалин, А.И. Хачатурян, И.О. Дунаевский, И.И. Дзержинский, Т.Н. Хренников, В.А. Белый, Д.Б. Кабалевский, А.Г. Новиков, В.И. Мурадели, М.И. Блантер, В.Я. Кручинин, Р.М. Глиэр, Ю.А. Шапорин). На совещании было сказано о конкурсе на создание гимна. Была создана комиссия по подготовке нового государственного гимна под руководством заместителя председателя Совета народных комиссаров К.Е. Ворошилова. Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (ВКИ) литературовед М.Б. Храпченко отвечал за приглашение поэтов и композиторов и организацию прослушивания подготовленных произведений.

Остановимся на одном примере – работе М.В. Исаковского. Это был, по мнению А.Т. Твардовского, «один из самых любимых поэтов нашей родины»¹, автор стихов, ставших популярными песнями («Катюша», «И кто его знает...», «Враги сожгли родную хату...»). Первый вариант гимна от него поступил в начале августа 1943 г. 10 августа Храпченко писал в секретариат Ворошилова: «Посылаю для т. Ворошилова текст гимнов С. Кирсанова, М. Исаковского, С. Щипачева»². Через месяц основной корпус различных текстов гимна был готов. 6 сентября Храпченко получил от адъютанта Ворошилова пакет: «По указанию т. Ворошилова К.Е. направляю Вам сборник представленных вариантов текстов гимна Союза СССР. Приложение: Сборник экз. № 8»³.

Приведу первую строфу гимна Исаковского:

Прославим каждый день и час
Страны своей родной,
Страны, что вырастила нас
Под ясною звездой.

На этом варианте есть резолюция Храпченко: «Значительно лучше, чем прошлый раз, но еще мало торжественности и стройности»⁴.

Следующий вариант Исаковский выслал 23 сентября: «Дорогой Михаил Борисович! Посылаю Вам еще один вариант гимна. И это уже последний. Посылаю его потому, что он кажется мне лучше всех остальных, написанных раньше. Он мне нравится потому, что он точен, краток, тожественен. Всё основное в нем сказано. Короче говоря, я впервые почувствовал, что написал именно гимн. Может быть, он и несовершенно, но я все же склонен думать, что гимн должен быть именно чем-то вроде этого»⁵.

Рассмотрим этот текст:

Гимн Советского Союза

1. Живи советская отчизна,
Заветам Ленина верна,
Живи страна социализма
Стремлений сталинских полна!

¹ Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1963. С. 47.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 9.

³ РГАЛИ. Ф. 2894. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 22.

⁴ Там же: Ф. 962. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 6. Следующий вариант Исаковский прислал 23 сентября. И опоздал: 25 сентября Политбюро утвердило другой текст.

⁵ Там же.

Живи на радость нам,
Живи на страх врагам,
Заветам Ленина верна.

2. Не выпускай из рук державных
Своих прославленных знамен.
Крепи свободный, равноправный
Союз народов и племен!

Крепи на радость нам,
Крепи на страх врагам
Союз народов и племен.

3. Иди вперед неутомимо
И в мировом созвездьи стран
Свети звездой неугасимой,
Страна рабочих и крестьян.

Свети на радость нам,
Свети на страх врагам
Страна рабочих и крестьян»¹.

Очевидно, что процитированная выше строфа из первого варианта мелодична, как все песенные тексты Исаковского, ее образность традиционна. Окончательный вариант лишен этих примет, стихи приобрели сухую ораторскую интонацию, насытились утверждением политических ценностей. Таковы, вероятно, были указания. Даже единственный традиционный образ «звезды неугасимой» не только лишен религиозной окраски, но наполнен классовым смыслом («страна рабочих и крестьян»). Поэт насытил текст политическим и даже классовым смыслом. Национальный колорит поблек. Вместе с тем поэт использовал опыт В.А. Жуковского. В тексте гимна «Боже, царя храни.» есть строки: «Царствуй на славу нам, / Царствуй на страх врагам...». У Исаковского аналогичный текст: «Живи на радость нам, / Живи на страх врагам...». Председатель ВКИ отправил и этот вариант в архив².

Победителем признали произведение соавторов: детского поэта С.В. Михалкова (1913–2009), известного до войны стихотворением «Дядя Стёпа», и журналиста Г.А. Эль-Регистана (1899–1945), писавшего о стройках заводов и каналов.

Они, «близкие друзья», случайно, ужиная в московском ресторане, услышали о конкурсе и решили поучаствовать. Регистан первым предложил три ключевых понятия «Великая Русь», «Дружба народов», «Ленин»³. О семье соавтора Михалков ничего не сообщает, кроме того, что тот армянин. Да еще о том, что при очередной встрече Сталин спросил, кому Регистан молится: «муфтию или католикосу?» Ответ был: «Католикосу, товарищ Сталин»⁴. Этот ответ позволяет предположить, что доминирование понятия «Великая Русь» в сознании этого журналиста было обусловлено его исторической памятью: в 1915 г. армянский народ стал жертвой геноцида, но был взят под защиту Великой Русью. Отец журналиста был руководителем Самаркандского отделения Сибирского торгового банка. Что касается Михалкова, принявшего предложение друга, то у него живая историческая память была обусловлена принадлежностью к «древнему русскому дворянскому роду»⁵.

¹ Ф. 962. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 8.

² Там же.

³ Михалков С.В. Самый главный великан. [Воспоминания.] М.: АСТ, 2013. С. 66.

⁴ Михалков С.В. Самый главный великан. С. 76.

⁵ См.: Михалков С.В. Что такое счастье. М.: ЭКСМО, 2007. С. 72.

Главным редактором текста у соавторов был Сталин. В мемуарах Михалкова есть выразительная сцена, когда председатель комиссии передает им замечания: «На 83 странице книги (тексты всех авторов были отпечатаны для членов комиссии. – В.П.) закладка: наш текст с пометками Сталина: «– Основа есть, – продолжал Ворошилов. – Но вот посмотрите замечания товарища Сталина. Вы пишете “Свободных народов союз благородный”. Товарищ Сталин делает пометку: “Ваше благородие?” Или вот здесь: “...созданный волей народной”. Товарищ Сталин делает пометку: “Народная воля”? Была такая организация в царское время. В гимне все должно быть предельно ясно. Товарищ Сталин считает, что называть его в гимне “избранником народа” не следует, а вот о Ленине следует сказать, что он был “великим”»¹. Далее Михалков добавил: «До поздней осени мы были заняты доработкой текста»². Понятие «Великая Русь» не подвергалось сомнению, хотя память Сталина и других членов Политбюро о газете В.В. Шульгина «Великая Россия», издававшейся на территории, контролируемой войсками генерала А.И. Деникина, и одноименных сибирских газетах периода Гражданской войны была, конечно, намного свежее памяти о «Народной воле».

31 октября 1943 г. началось прослушивание музыки гимна разных авторов членами Политбюро вместе с государственной комиссией. Оно прошло, как и все последующие, в Большом театре. Гимны звучали в исполнении Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР. Им руководил его создатель, композитор, автор знаменитой песни «Священная война», – профессор Московской консерватории им. П.И. Чайковского, а также дирижер А.В. Александров. Первым комиссия услышала его произведение «Гимн партии большевиков», который, как мы уже знаем, он сочинил в 1939 г.

Во время перерыва председатель Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталин говорил, что лучше всех получилось у Д.Д. Шостаковича и А.И. Хачатуряна (в соавторстве), но у них «припев не вышел»³. Храпченко стал защищать Шостаковича, говорить о его особой талантливости. После перерыва опять слушали и обсуждали работы композиторов. Сталин о гимне С.И. Мацюшевича: «Это уж совсем колыбельная. Тебя хранит великий наш народ – Баюшки-баю. Ложитесь спать».

Обсуждение продолжили после завершения прослушивания. Л.П. Берия, заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР, заявил, что «по-настоящему ничего не подходит. По сравнению с прослушанным гимн партии большевиков значительно лучше». Сталину эта мысль понравилась: «А что если гимн партии большевиков и приспособить к новому тексту». Первый секретарь Московского обкома ВКП(б), начальник Совинформбюро и начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков поддержал идею: «...это лучше всего и уложиться можно». Храпченко возразил, что припев гимна Михалкова не укладывается – другой размер. Сталин «прочел текст припева, потом походил по комнате, задумавшись: «А что если переделать. Ну, скажем, так и написать: вместо – партия Ленина, партия Сталина – родина Ленина, родина Сталина». Дальше в этом гимне, как мы видели, шли слова «мудрая партия большевиков». «Сталин, – записано в дневнике председателя ВКИ, – прочел их и снова задумался. Слова эти явно не подходили».

¹ Михалков С.В. Самый главный великан. С. 68.

² Там же; о других поправках, в частности о требовании Сталина добавить строфу о Красной Армии, см.: Михалков С. От и до. М.: Олимп, 1997. С. 141–167.

³ Здесь и далее без ссылок цитируется Дневник М.Б. Храпченко. Благодарю Валерия Михайловича Храпченко и Юлию Николаевну Никольскую за возможность использовать этот источник в научно-исследовательской работе.

Заминкой воспользовался Ворошилов: «Он стал возражать, что будет неудачно». Вернулись к припеву Михалкова, стали считать количество слогов в стихах Лебедева-Кумача и в стихах Михалкова, обнаружили несовпадение. «Сталин подумал и сказал: “Можно другой припев написать”». Все с этим согласились.

Следующее прослушивание решили провести после праздника – годовщины Октябрьской революции – и никому не говорить о варианте с музыкой гимна партии большевиков. Но А.В. Александров, которому Храпченко рассказал об этом варианте, «быстро раззвонил по всему городу».

Таким образом, главным итогом первого прослушивания вариантов музыки гимна стало принятие за основу всем известного «Гимна партии большевиков» А.В. Александрова¹.

16 ноября прослушивание продолжалось, и опять начали с музыки А.В. Александрова, но с уточненным текстом Михалкова и Регистана. Во время исполнения гимна хоровой группой Краснознаменного ансамбля Сталин сказал Ворошилову: «Припев – хороший». А затем: «Хорошая музыка».

Однако исполнение гимна в оркестре испортило впечатление: «Неистово грохотали барабаны, кричали трубы... Сталин только морщился». Ворошилов, который по наблюдению Храпченко, явно был огорчен высокой оценкой музыки партийного гимна, воспользовался несовершенством инструментовки и заявил, что «очень плохо звучит в оркестре гимн Александрова».

Это, вероятно, расстроило Сталина. Он вдруг попросил исполнить гимн «Боже, Царя храни...», который хорошо знал. Словно вспомнив об этом, тут же отменил просьбу и заказал английский гимн. Потом попросил гимн Хачатуряна-Шостаковича. Ворошилов не знал, чем успокоить Сталина, который впал в раздраженное состояние («Я не знаю, что там у вас есть...»). Решили слушать по списку. Почти всеми работами руководитель правительства был недоволен. О музыке ленинградского автора В.А. Оранского: «Музыка хорошая, но это рассказ, повествование, а не гимн». О сочинении грузинского композитора И.И. Туския: «У него вышла целая поэма». Ворошилов получил от Сталина упрек за оценку сочинения А.В. Шаверзашвили: «Ты говорил, что хорошая музыка. Нет, музыка совсем плохая». Только три произведения привлекли его внимание: А.В. Александрова, Хачатуряна-Шостаковича, Туския.

Храпченко раздал тексты иностранных гимнов². Берия читал их вслух. Храпченко нравился английский гимн, и он хотел привлечь внимание к нему, но Сталин бросил: «Тут нечему нам поучиться». И вдруг как о решенном сказал: «Надо принять текст, утвержденный для гимна партии большевиков. Пусть исполнят музыку трех композиторов на этот текст».

Итак, 16 ноября 1943 г. был принят окончательный вариант текста Михалкова и Регистана. Но вопрос о музыке оставили открытым. Еще не было полного единства среди членов Политбюро, настороженное отношение к музыке А.В. Александрова сохранялось, по крайней мере у Ворошилова. Сталин стал его убеждать: «Каким должен быть гимн, государственный гимн? Это должна быть солидная, серьезная музыка. Гимн – это не элегия. И мелодия тут не особенно превалирует (выпирает).

¹ С.С. Прокофьев получил приглашение участвовать в конкурсе в начале октября 1943 г. До 11 октября, по замечаниям Храпченко, сочинил два варианта. Подробнее см.: *Медведева И.* О «гимнах» Прокофьева. Публикация эскизов Государственного гимна РСФСР // Сергей Прокофьев. Письма, воспоминания, статьи: К 110-летию со дня рождения. М.: ГЦММК, 2001. С. 212.

² Сборники иностранных гимнов издавались в годы Первой мировой войны. См.: Гимны союзных наций Великой войны 1914–1915 гг. Пг. и др., [1915]; Гимны разных народов. М., 1915.

Вот музыка Оранского-Свешникова – хорошая музыка, но это не гимн. Это повествование. В ней много лирики, спокойствия. (Ворошилов добавляет: “Слащавости”.) Кончается ”Баю-баюшки баю”. А надо, чтобы была мощь, сила».

Затем опять заговорили о музыке А.В. Александрова. По мнению Сталина, его гимн плохо оркестрован. Он спросил мнение Шостаковича, тот согласился: «Барабанов очень много. В основе гимн инструментован верно, но много труб и барабанов. Оркестр нагрозотал». Александров заявил, что не он оркестровал, а эстрадный дирижер и композитор В.Н. Кнушевицкий. Тут в разговор вмешался Хачатурян: Кнушевицкий – «очень опытный музыкант и хорошо оркеструет». Сталин подвел черту: «Надо по-другому оркестровать гимн. Пусть композиторы помогут оркестровать».

Как видим, он не только отвел дальнейшее сотрудничество с Кнушевицким, но и ясно дал понять, что выбор музыки А.В. Александрова для государственного гимна окончательный. Но в то же время сохранил видимость конкурса: «Соревнуются три гимна: Александрова, Хачатуряна-Шостаковича, ну, и Туския. Надо их послушать с одним текстом... с тем, который исполнял Александров».

Далее он пояснил особенность новой редакции текста: «В прежнем тексте слово социализм никак не идет. Его петь трудно. Да и по политическим соображениям оно нам не подходит. Теперь всякая сволочь именуется социалистом. Норвежское правительство лижет пятки англичанам, а называет себя социалистом. Финны воюют против нас, а у них в правительстве социалисты. Кто только не объявляет сейчас себя социалистом. Вот Советский – это другое дело. Назовите их советскими – они обидятся. Поэтому надо взять новый текст».

Когда дошла очередь до сроков исполнения, А.В. Александров стал жаловаться на усталость от ночной работы. Сталин парировал: «А вот мы два года воюем и не устали».

О том, что он «не устал», свидетельствовало его участие в работе Конференции руководителей трех союзных Держав: Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – в Тегеране в конце ноября – начале декабря 1943 г. Вместе со Сталиным там были Молотов и Ворошилов. Они согласовали с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем «планы уничтожения германских вооруженных сил»¹.

Вскоре после их возвращения из Тегерана (13 декабря) прошло очередное прослушивание. Первым был исполнен вариант с музыкой гимна партии большевиков. И стало ясно, что именно музыка А.В. Александрова и будет принята: «Исполнение хора вызвало оживленное одобрение. Молотов обратился знаками ко мне, показывая, как замечательно звучит хор. Оркестровое исполнение несмотря на несовершенство инструментовки вызвало тоже одобрительное отношение, хотя и не такое оживленное. Музыку Хачатуряна-Шостаковича прослушали внимательно, но холодно. Туския вызвал оживление. Особенно понравилось мастерское владение инструментовкой. Берия был доволен».

Видимо, переориентация Берии расстроило Сталина (ведь сначала они были едины в одобрении музыки гимна партии большевиков для государственного гимна). При обсуждении Сталин критиковал Туския: «...взял сочетание русских и грузинских мотивов. Но не получилось. Вышла амальгама, а не сочинение».

После этого большинство стало говорить, что лучше всех музыка А.В. Александрова. Но вдруг Ворошилов заявил, что «трудно петь гимн партии большевиков, он хорошо звучит [только] в исполнении хора Александрова». Тут же выяснилось, что Ворошилов – сторонник гимна Хачатуряна-Шостаковича.

¹ Декларация трех Держав // Вечерняя Москва. 1943. 7 дек. С. 1.

Сталин стал защищать свой выбор: «В гимне Александрова с начала до конца проведена одна линия. Он весь цельный. Он как крейсер идет вперед, разрезает волны. У Хачатуряна-Шостаковича нет этого. Они разукрасили гимн, а цельности нет. Александров сам не понимает, что он сделал, на каком кладе он сидит».

Совершенно неожиданно Храпченко стал возражать Сталину и заявил, что «простому человеку петь гимн партии большевиков будет очень трудно». Сталин продолжал отстаивать свое мнение: «А почему трудно? Ничего трудного нет». И вдруг начал напевать гимн – «очень точно и выразительно». Присутствующие были поражены выпадом руководителя ВКИ и «как-то неловко промолчали».

Председатель ВКИ тоже замолчал. Члены Политбюро снова стали говорить, что надо принять музыку А.В. Александрова. Во время перерыва Сталин обратился к «министру искусств»: «Ну, а как новый вариант Хачатуряна-Шостаковича?» Ответ: «Это музыка хорошая, но мне больше нравится первый вариант». Сталин: «А Александрова новый вариант как?» Храпченко: «Это тоже интересная музыка, но уступает гимну партии большевиков». Так Сталин получил и от невольного оппонента нужный ответ – в пользу избранной им музыки для гимна Советского Союза. В конце этого прослушивания он подвел черту: «Значит, гимн партии большевиков. Надо завтра подготовить решение».

В заключение Сталин поинтересовался образованием А.В. Александрова. Храпченко сообщил о его учебе в Придворной певческой капелле. А.А. Жданов, дед которого был священником, а отец доцентом Московской духовной академии, добавил, что в 1913 г. А.В. Александров написал кантату в честь 300-летия дома Романовых, и она исполнялась в Твери вовремя его учебы в реальном училище. «Неплохая кантата», – уточнил Жданов¹. Сталин отреагировал как-то примиренно: «От кантаты в честь дома Романовых до гимна партии большевиков. Есть тут разница?»²

Не будем гадать, что не договорил Сталин. Но отметим, что ведущие политические деятели периода Великой Отечественной войны не считали зазорным или идеологически вредным сотрудничество с представителями культуры императорской эпохи, если они служили государственным интересам своей страны.

21 декабря упомянутое выше решение опубликовала газета «Известия» и 22 декабря газета «Правда». Это было постановление Совета народных комиссаров СССР «О государственном гимне Советского Союза». Очередность публикации, вероятно, должна была подчеркнуть внепартийность гимна. В постановлении сказано: «Ввиду того, что нынешний государственный гимн Советского Союза “Интернационал” по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства, – Совет Народных Комиссаров СССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя»³. Далее следовал текст гимна, состоящий из шести строф, в том числе трех рефренов:

¹ В каталоге Российской национальной библиотеки зафиксировано другое произведение А.В. Александрова на текст известного драматурга В.А. Крылова: Кантата на священное коронование Его императорского величества Государя императора Николая II. СПб., 1896.

² После войны А.В. Александров написал еще одну кантату. См.: Кантата о Сталине «От края и до края...» для хора с фортепиано / Текст М. Инюшина. М.: Музгиз, 1945.

³ Известия Советов депутатов трудящихся. 1943. 21 дек. С. 1.

Гимн Советского Союза

(Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы
И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Нас от победы к победе ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

В рефренах, как правило, строки должны повторяться без изменений. Однако в гимне третьи строки рефрена отличаются друг от друга одним словом: в первом случае Отечество представлено как «Дружбы народов надежный оплот!», во втором – как «Счастья народов надежный оплот!», а в третьем – как «Славы народов надежный оплот!». Таким образом, рефрен содержал концепты *Отечество*, *дружба народов*, *счастье*.

По определению академика Ю.С. Степанова концепт – это «сгусток культуры», «объединяющие идеи русской культуры», «результат культурной жизни разных эпох»¹. Концепты, заложенные в текст гимна, можно разделить на две группы: с глубокими – и поверхностными историческими корнями. В первую входят концепты, названные выше, и еще пять: *Великая Русь*, *свобода*, *народ*, *подвиг*, *армия*. Во вторую – *Союз республик*, *Советский Союз*, *Ленин*, *Сталин*. Очевидно, что первые десять заключали в себе исторические и этические ценности, утверждавшиеся не одно столетие. Концепты *Ленин*, *Сталин*, *Союз республик*, *Советский Союз* имели политическое содержание и находились в сознании большинства народа менее четверти века.

¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 4, 49.

После публикации пресса должна была разъяснять новый гимн. Посмотрим, как это делали три центральные газеты: большевистская «Правда» (главный редактор П.Н. Поспелов), «Известия советов депутатов трудящихся СССР» (главный редактор Л.Я. Ровинский) и еженедельник «Литература и искусство», орган Правления Союза советских писателей, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (главный редактор А.А. Фадеев). Сущность советского государства они формулировали примерно одинаково. «Известия»: «создано социалистическое общество», «осуществлена социалистическая система хозяйства», «ликвидирована эксплуатация человека человеком». «Правда»: «нет эксплуатации человека человеком», «Советский Союз стал великой социалистической, индустриальной и колхозной державой». «Литература и искусство»: построено «государство социалистического типа», «ликвидирована навечно эксплуатация человека человеком».

Но подход к концептам гимна оказался различным.

Редакционная статья «Известий» начиналась цитатой «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь». Далее, сообщая, но не объясняя, почему «Интернационал», написанный в 1871 г., «четверть века» был «гимном Советского государства», автор обосновывал отказ от него тем, что он не отражает «достижений, запечатленных в Сталинской Конституции». Попутно автор вспомнил, что все семь лет, начиная с 1936 г., современники мечтали о новом гимне. «Естественно было желать, – говорится в статье, – чтобы эти коренные изменения в жизни страны прежде всего были выражены в победной торжественной песне, официально принятой, как поэтическое и музыкальное выражение патриотических чувств народов Советского Союза»¹. Но почему столько лет пришлось ждать этого «выражения патриотических чувств» и почему именно сейчас наступил этот момент, статья не объясняла.

Во второй части статьи воспроизведены концепты *дружба, счастье и слава*, дважды упоминается *народ* и *Отечество*, один раз *Отчизна* и *Красная Армия* и пять раз *Сталин*.

В редакционной статье «Правды» тоже процитированы все строфы гимна, но в комментариях доминируют политические формулы: «союз свободных республик», «Сталинская Конституция», «партия Ленина-Сталина», «индустриальная и колхозная держава», «великий советский народ», «Сталинская дружба народов», «Ленин» и Сталин – создатели большевистской партии». Прославлению партии отведено тринадцать строк, хотя в гимне она не упоминается. Во второй части статьи концепт *Сталин* повторяется восемь раз. Создается впечатление, что П.Н. Поспелов не столько разъяснял текст, сколько использовал его для повторения привычных пропагандистских штампов. Из гимна повторно процитированы только «Союз нерушимый республик свободных» (дважды) и «Знамя советское, знамя народное». Последняя формула повторена трижды. Вероятно, потому, что она включает политический термин «советское», значение которого, как мы видели, подчеркивал Сталин. В «Известиях», как говорилось, в текст статьи из гимна перешли, т. е. повторно процитированы, концепты *Великая Русь, дружба, счастье и слава*, дважды повторена строфа «Славься, Отечество наше свободное». Это сопоставление, как представляется, показывает, что редакция «Правды» выдвигала на первый план не «концепты» гимна, а привычные политические ценности.

¹ Гимн великой советской державы // Известия. 1943. 21 дек. С. 1.

Третий вариант трактовки гимна представлен в статьях газеты под руководством А.А. Фадеева. В первой из них под названием «Славься, Отечество наше свободное!» тоже утверждались политические ценности: «знамя советское», «советский патриотизм», «советский народ», но «партия» упомянута один раз. Здесь ключевой концепт – *дружба народов*¹. Нет слов о рабочем классе и колхозном крестьянстве, зато неоднократно говорится о народе: «армия народа», «счастье своего народа», «заслуга великого русского народа», «историческая роль русского народа», «гимн выразил общенародные чувства», гимн – «событие всенародного значения». Особое значение имели два концепта: *Великая Русь* и *свобода*.

В «Известиях» статья начиналась с первых строк гимна: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь». Ниже был дан комментарий: «лучшие национальные традиции» «Великой Руси» «воплотились в русском рабочем классе». Здесь слышится пересказ основного тезиса статьи В.И. Ленина «О национальной гордости великороссов», а значит, под Великой Русью автор предлагал понимать Великороссию конца XIX – начала XX в.

В газете «Правда» после цитирования тех же строк дано пояснение: «Великий русский народ, первый среди равных, сплотил братские народы нашей Родины в единую, нерушимую, дружную семью».

В статье фадеевской газеты эти строки гимна были даны в пересказе: «...Советский Союз, сплоченный Великой Русью, утверждает великую историческую роль русского народа».

Больше концепт *Великая Русь* не упоминался, и фактически декабрьские передовые статьи трех газет оставили его без разъяснения.

Сознание редакторов и журналистов было не готово к столь высокому употреблению этого концепта. Для многих он был понятием из чуждого мира. Дело в том, что, начиная примерно с 1923 г., политическая и профессиональная среда приучала их к тому, что упоминание Великой Руси тесно связано с понятием «великодержавного шовинизма». Это было обусловлено воздействием некоторых идей, прозвучавших XII съезде РКП(б), где обсуждались «национальные моменты» в государственном строительстве².

Показательны установки, сформулированные в выступлениях Г.Е. Зиновьева и Н.И. Бухарина. Руководитель петроградских большевиков призывал «каленным огнем прижечь всюду» «великорусский шовинизм», «великодержавный шовинизм» (стр. 551); «У нас есть шовинизм великорусский, который имеет самое опасное значение, который имеет за собой 300 лет монархии...»; «Сейчас поднимает голову великорусский шовинизм» (стр. 553); «Мы должны безусловно ребром поставить вопрос о великорусском шовинизме. Мы должны это сделать сейчас, на этом съезде» (стр. 554). Не менее резко говорил Бухарин, в то время член Политбюро ЦК РКП(б) и главный редактор газеты «Правда»: «великорусский шовинизм» – «основной шовинизм»; оратор призывал нанести «удар» по нему (стр. 562). И упрекнул Сталина в том, что тот почему-то «не так остро выступает против русского шовинизма» (стр. 564).

Тезисы Зиновьева и Бухарина, не имевшие, стоит отметить, никаких аргументов, их призывы нанести «удар», «прижечь», кажется, не оставляют сомнений в том, что они хотели получить в решениях съезда политическую базу для соответствующих репрессий, которые и последовали (например, Зиновьев ликвидировал

¹ Славься, Отечество наше свободное! // Литература и искусство. 1943. 25 дек. С. 1.

² См.: Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–23 апреля 1923 г. М.: Красная нива, 1923. При цитировании этой издания страницы указываются в тексте.

в Петрограде сменовеховский журнал «Россия», Бухарин напечатал в «Правде» статью против поэзии С.А. Есенина «Злые заметки»). Их пример вдохновлял молодых писателей, которые хотели быть «солдатами партии».

Одним из таких писателей был А.И. Безыменский. Вскоре после съезда в письмах к Л.Д. Троцкому и с трибуны совещания в ЦК ВКП(б) поэт доказывал, что он – «свой», а политики его не ценят¹. Адресат публично признал, что Безыменский – «свой»,² а поэт доказывал это, после того как покровитель оказался в изгнании, в том числе и трактовкой понятия «Великая Русь».

В отличие от В.В. Маяковского, который соглашался с Е.И. Замятиным, что Русь достойна прославления («Славьте Русь...»), но только просил не забывать, что она «уж десять лет советская»³, Безыменский-поэт смотрел на мир иначе. Речь на VI съезде Советов 15 марта 1931 г. он завершил выражением уверенно: «Советский пример все народы пробудит. / Мы – юности жизни могучая весть. / Сегодня мы здесь говорим: – Это есть! / Рабочие мира ответят нам: – Есть! (Бурные продолжительные аплодисменты.)»⁴. Эти аплодисменты показывают, что его уверенность в массовой интернациональной поддержке советских рабочих не была исключением. Противопоставление страны большевизма западному капитализму – распространенная схема мышления политических поэтов в те годы мирового экономического кризиса. Она сочеталась с другой схемой – противопоставлением колхозного настоящего СССР ушедшей дворянской Руси.

Безыменский в унисон с Зиновьевым, отвергавшим значение трехсотлетия царской России, проклинал русское прошлое: «Одним из любимейших занятий дворянских писателей... было воспевание того персонажа, который известен в литературе под названием “русский мужик”. ...страдания крестьянина над одинокой полоской, забитость крестьянской России, “хлебающей лаптями щип”, “мирскими драками” и разгулом, – все это служило им предметом поэтического умиления. “Расеюшка-Русь” – вот знамя высокохудожественного лицемерия и классового самосознания...»⁵.

Далее оратор утверждал, что эту «традицию воспевания всего того, что создавало нищету и забитость, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». По мнению Безыменского, они – «стихотворные мертвецы». А вот он и его коллеги, пролетарские поэты, – «сыны партии», «сыны класса, ведущего за собой миллионы крестьян...». «...Мы, – провозглашал поэт, – объявляем жесточайшую войну кулацким идеологам “Расеюшки-Руси”. (Аплодисменты.) Против Руси, за СССР, создающий поэму... переоборудования лица земли и сердец крестьянства!»⁶

¹ О политике партии в художественной литературе. Протоколы совещания [в ЦК РКП(б), май 1924] // Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1924–1925 гг. / Отв. ред. В.Л. Сошкин. Новосибирск: Наука, 1991. С. 112.

² *Троцкий Л.* Предисловие // Безыменский А.И. Как пахнет жизнь. М.: Красная новь, 1924. С. 3.

³ В.В. Маяковский говорил о кн.: Русь. Русские типы Б.М. Кустодиева / Слово Евг. Замятина. Пг.: Аквилон, 1923. Прочитую абзац: «Как осташковский Нил – Столбенский – Сидящий, жил в этом бору Кустодиев, и, может быть, как к Нилу, все они проходили к нему – всякая тварь, всякое лохматое зверье, злое и ласковое, и обо всех он рассказывал – на все времена: для нас, кто пять лет – сто лет – назад еще видел все это своими глазами, и для тех, крылатых, что через сто лет придут дивиться всему этому, как сказке». Осташков – город на берегу озера Селигер, где на острове Столбный в 1528 г. поселился монах Нил, а после его смерти был основан монастырь – Нило-Столбенская пустынь. В 1919 г. там были изъяты церковные ценности, в 1927 монастырь закрыт.

⁴ *Безыменский А.* Речь на 6 Всесоюзном съезде Советов // Безыменский А. Стихи мобилизованы: Отчет о работе на Сталинградском тракторном заводе. Книга отчетов вторая. 28 апреля – 28 мая 1931 года. М.: Правда, 1931. С. 10.

⁵ *Безыменский А.* Речь на 6 Всесоюзном съезде Советов. С. 5.

⁶ Там же.

Развивая свои мысли, Безыменский предупреждал, что «кулацкая Расеюшка-Русь» не скоро сдаст свои позиции. Напомнив о своем сравнении полевых васильков с «сорняковыми фашистами земли», он посетовал, что «Расеюшка-Русь» продолжает лелеять их на полях. «Это ей, – восклицал поэт, – упорная ненависть и жестокая война! Наши успехи будут измеряться степенью ликвидации образа того врага, которого заключает в себе понятие “Расеюшка-Русь!”»¹ Далее оратор использовал стихотворную публицистику:

– Расеюшка-Русь –
Повторяю я снова,
Чтоб слова такого
Не вымолвить
век!
<...>
Раздавим ударом фабричной пяты
Поэтов соломы, лаптей и мякины
Молившихся язвам твоей нищеты².

Безыменский не видел и, вероятно, не умел видеть то, что М. Горький в очерке о С.А. Есенине определил как способность «выражения неисчерпаемой печали полей, любви ко всему живому в мире и милосердия»³. О милосердии писал и Н.А. Клюев, он воспевал красоту крестьянской жизни и желание народа быть «с родным гнездом»:

Чтоб бедной песенкой чи-ри
Встречать заутреню зари.
И знать, что зернышки, солому
Никто не выгонит из дому,
Что в сад распахнуто давно
Резное русское окно,
И в жимолость упали косы!..»
(«Песнь о Великой матери», 1931)

Реминисценция из «Родины» М.Ю. Лермонтова («С резными ставнями окно...») только подчеркивала столетнюю традицию поэтической мысли и устойчивость мира национальных переживаний.

Безыменский не знал и, вероятно, не хотел видеть традиционные русские картины как в жизни, так и в поэзии. Понимание, или чутье, сложного единства индустриальной мощи и природной и художественной красоты ему было недоступно. А когда эта способность отсутствует, тогда ничего не остается, как писать стихотворную политическую публицистику, быть, по выражению Н.А. Клюева, «фанерной знаменитостью». Надо признать и помнить, что призыв раздавить Н.А. Клюева и С.А. Клычкова «железной пятой» не был отвлеченной метафорой – он был услышан, поэты расстреляны. Публицистика Безыменского как бы подтверждала тезис В.В. Маяковского: «Слово – полководец человеческой силы». Только в данном случае это была злая, темная сила полуграмотных людей, о сути которых, независимой от их национальности, в том же 1931 г. сказал К. Ясперс: они – «посредственность, чувствующая себя хорошо при отсутствии высоких требований», они «преследуют все выдающееся», «беспрерывно осуществляют нажим», «водители говорят им... чего они хотят»⁴.

¹ *Безыменский А.* Речь на 6 Всесоюзном съезде Советов. С. 6.

² *Безыменский А.* Речь на 6 Всесоюзном съезде Советов. С. 6–7.

³ *Горький М.* Сергей Есенин // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. М.: Гослитиздат, 1952. С. 64.

⁴ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 407–409.

Установка Безыменского – политического бойца на уничтожение памяти о Руси, о красоте ее природы и ее людей, оберегающих человечность, вдохновленная указаниями «вождей», не была забыта, хотя в переизданиях съездовской речи Безыменский вычеркивал все враждебное о Руси, сохраняя, однако, абстрактные выпады против «поэтов соломы», по-прежнему угрожая раздавить их «ударом фабричной пяты»¹. Его фамилии нет среди тех поэтов, которых ВКИ приглашал участвовать в создании нового государственного гимна². Во время войны стали появляться сборники пейзажной лирики русских поэтов XIX в., воспевающие Русь³. Но установки учителей Безыменского и его собственные речи (и других родственников выступлений) запечатлелись в памяти самых разных людей, сковывали мысль и живое восприятие. Об этой этой скованности свидетельствовали многие газетные отклики на публикацию текста гимна.

Были и устные суждения. О них читаем в мемуары Михалкова: «Пошли первые отклики. Нам приходилось слышать от собратьев по перу, что, дескать, не стоило в советском гимне употреблять слово “Русь”, поскольку это понятие архаическое, древнее и сегодня звучит диковато. Но нам казалось, что именно это слово и привлекло внимание Сталина. “Великая Русь” – понятие собирательное, в нем есть и сегодняшний день. За этим понятием – слава и история русского народа»⁴.

Первую попытку заявить в прессе позицию, родственную авторской, объяснить читателям концепт «Великая Русь» сделал, на мой взгляд, писатель С.П. Бородин, лауреат Сталинской премии, получивший ее за роман «Дмитрий Донской». 25 декабря 1943 г. в газете художественной интеллигенции он сказал, что начало Великой Руси таится в «отдаленных временах», когда «возникали первые славянские общины» и появилась первая песня, объединявшая бойцов, «ее пели как клятву на верность родине»⁵. Он говорил о «временах Дмитрия Донского и первых лет Москвы». По его мысли, тогда и начался «славный исторический путь... народов нашей родины». Но тут же Бородин резко переходил к утверждению, что их дружба рождена «в огне октябрьских битв» 1917 г. Очевидно, здесь историческое знание смешалось с политической схемой, принуждавшей вести отсчет истории государства с со времени прихода большевиков к власти. Многим деятелям литературы и журналистики требовалось время, чтобы осмыслить появление понятия «Великая Русь» в документе высшей политической власти.

Между тем ожидание публикации нот гимна затягивалось. Это произошло потому, что на заседании 13 декабря, о котором уже говорилось выше, неожиданно выступил А.А. Жданов: «басов не слышно, труб не слышно», «в оркестре гимн Александра звучит хуже», чем в хоровом исполнении. Сталин согласился: «Да, это верно. В хору басы звучат очень сильно. А в оркестре басов не слышно...». Было решено обратиться к специалистам для «улучшения оркестровки». Сталин согласился: «Александров не специалист в этом деле, да и не обязательно. Хорошо то, что он сочинил гимн. Надо непременно пригласить специалистов...».

21 декабря Молотов вызвал Храпченко и спросил, когда можно будет напечатать ноты. Ему хотелось побыстрее. Но, посоветовавшись, решил, что торопить Алексан-

¹ См.: *Безыменский А.И.* Речь на VI съезде Советов СССР // Безыменский А. Избранное. М.: Гослитиздат, 1949. С. 51.

² См.: О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию Гимна Союза Советских Социалистических Республик // Литература и искусство. 1944. 8 янв. С. 1.

³ См.: Русь. Стихи русских поэтов. М.; Л.: Детгиз, 1943.

⁴ *Михалков С.* Самый главный великан. С. 68–69.

⁵ *Бородин С.* Величие Советской Державы // Литература и искусство. 1943. 25 дек. С. 1.

дрова не надо: «В спешке можно допустить ошибки, потом вносить исправления будет неудобно». Ноты были готовы 25 декабря. Тогда Молотов сообщил, что решили прослушать еще раз в исполнении хора, симфонического и духового оркестра. В субботу 26 декабря Храпченко сообщил Молотову, что прослушивание может быть только в четверг 30 декабря, потому что продолжается работа над оркестровкой.

30 декабря состоялось окончательное прослушивание гимна. До прослушивания Сталин позвал Храпченко в ложу и расспрашивал, кто принимал участие в работе над оркестровкой. Оркестровка гимна понравилась, и Сталин попросил позвать всех участников работы над гимном, а именно: А.В. Александрова, Михалкова, Эль-Регистана, дирижера А.Ш. Мелик-Пашаева, композитора Н.П. Иванова-Радкевича, композитора и военного дирижера С.А. Чернецкого. Молотов предложил тост за основных участников подготовки гимна. Затем выступил Сталин. Кажется, он говорил от имени всего политического руководства: «Я хотел сказать, почему нам понравилась музыка Александрова. В ней есть цельность. Она напоминает дредноут, который идет по волнам. Вы чувствуете силу дредноута, качание волн. Композиторы, которые писали музыку, стремились дать богатство тонов, разукрасить музыку; и упустили цельность музыки, а это самое главное. Цельной музыки ни у кого из композиторов не получилось. У Александрова есть единая мелодия.

Я думаю, что через посредство определенным образом организованных звуков, через музыку можно разговаривать, можно выразить мысли. В гимне Александра выражена уверенность, непоколебимая уверенность нашего народа в своей силе. Мы разошлись с композиторами в оценке музыки Александрова. Они считают, что мы неправильно поступили, когда выбрали его музыку. Мы считаем, что они не понимают, что требуется для гимна».

В тот вечер Сталин затронул и другие вопросы, связанные с гимном. В частности, о причинах отказа от использования «Интернационала» как государственного гимна: «Ходят разговоры о том, что мы “Интернационал” заменили под давлением Англии и Америки. Люди совершенно не знают истинного положения вещей. Да англичане и американцы не то что сказать, намекнуть на это не смеют. Не смеют. Если бы они только заикнулись об этом, гимн существовал бы еще сто лет. Мы сами пришли к выводу, что гимн нужно заменить. Он не соответствует времени. Устарел. Мы завоевали права, о которых поется, что их надо завоевать. Рабов давно нет. Если [бы] не война, не было [бы] и голодных. До войны мы же этого добились». И тут же он сказал о роспуске «Коммунистического Интернационала»: «Тоже приписывают давлению Англии и Америки. Да если бы о ликвидации Коминтерна англичане и американцы заикнулись, он бы существовал еще сто лет».

Очевидно, что руководитель правительства воспользовался встречей с большой группой художественной интеллигенции, чтобы ответить тем из ее числа, кто сеял неверие в дееспособность власти, в самостоятельность принимаемых ею решений. Опубликованные документы позволяют убедиться, что такие люди в Москве были. Например, К.А. Тренев, автор пьесы о Гражданской войне «Любовь Яровая», говорил: «Надо быть последовательным. Коминтерн разогнали, надо пересмотреть гимн “Интернационал”, он не может понравиться союзникам»¹. Представленные выше материалы из дневника позволяют утверждать, что драматург преувеличивал влияние союзников на решения правительства.

¹ Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 490.

Первого января 1944 г. ноты гимна вместе с текстом были опубликованы в центральных газетах. Была продолжена публикация откликов.

«Известия» и «Правда» напечатали их около двадцати. Только в одном – гвардии майора Патрикеева, экипаж которого сбил семь вражеских истребителей, – было восторженное упоминание о «Великой Руси»¹. Вскоре «Правда» перестала давать отзывы о гимне, ограничившись информацией об издании текста² и нот, о разучивании гимна на предприятиях и в клубах³.

Иная ситуация сложилась в газете «Литература и искусство». 1 января она напечатала редакционную статью «Музыка государственного гимна», где продолжила разговор о содержании концепта «Великая Русь», начатый 25 декабря. Вновь указывалось на общенародное значение текста и музыки гимна: «Величавая и плавная мелодия гимна исполнена уверенности и мощи, она народна по самой своей сути. По колориту она сурова, как и подобает гимну народа воинственного, в бесчисленных битвах завоевавшего свободу и независимость»⁴. Впервые прямо было сказано, что гимн выражает характер народа с многовековой историей. Далее мысль о связи гимна с предшествующими веками русской истории раскрывалась на музыкальном материале: «По своему мелодическому и гармоническому складу, по ритмической конструкции музыка нового государственного гимна следует великой традиции русской музыкальной классики.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь!

Эту идею в соответствии с текстом несет в себе и музыка нового гимна, нашедшая признание всех народов СССР, принадлежащих к самым различным национальным культурам».

Продолжая анализ содержания гимна, автор приходил к важному обобщению: «Государственные гимны различных стран нередко называют музыкальными или звуковыми гербами государств. Это совершенно правильно. Точно так же, как государственный герб символизирует национальную идею государства, в самой сжатой форме характеризует государственное устройство, общественный строй страны, музыка гимна вместе с поэтическим текстом должна выражать и художественно олицетворять эту идею. Только в этом случае она становится народным гимном».

8 января Фадеев напечатал еще одну передовую – «Гимн советской державы». Здесь он вновь сказал о глубоком историческом содержании концепта «Великая Русь»: «Сила и мировое значение советского государства подготовлены всем ходом истории. На протяжении столетий боролись русские люди за честь и свободу Родины, за сплочение братских народов и племен»⁵.

Вслед за «Известиями», где в заголовок вынесено слово «державы», оно дважды упоминается у Фадеева: «выражено могущество великой державы», «свободу своей могучей державы». Это старинное и высокое обозначение государства связывало современность с глубокой исторической традицией еще и из-за своего

¹ Единый, могучий Советский Союз // Правда. 1944. 1 янв. С. 2.

² Были, например, публикации на почтовых карточках. См.: *Годлин А.Д., Иванов М.Р.* Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка. Энциклопедический каталог. СПб.: Инфо-Да, 2007.

³ См.: Во славу Родины. Призыв к труду и победам // Правда. 1944. 2 янв. С. 1; Издание текста и нот государственного гимна Советского Союза // Правда. 1944. 7 янв. С. 4; Разучивание нового гимна // Правда. 1944. 10 янв. С. 2; Самодельные кружки разучивают новый гимн // Правда. 1944. 14 янв. С. 4; Колхозный хор разучивает государственный гимн // Правда. 1944. 20 янв. С. 4.

⁴ Б.п. Музыка государственного гимна // Литература и искусство. 1944. 1 янв. С. 2.

⁵ Б.п. Гимн советской державы // Литература и искусство. 1944. 8 янв. С. 1.

второго значения: держава – золотой шар с крестом наверху как символ власти государя начиная с Московской Руси и до эпохи Николая Второго. По сути, «великая держава» – синоним «Великой Руси». Так газета «Литература и искусство» утверждала непрерывность русского исторического процесса.

Концепт *свобода* звучит в гимне пять раз («Республик свободных», «солнце свободы» и трижды в рефрене «Отечество свободное»). В художественной газете он появился 25 декабря 1943 г. в заголовке первой передовой статьи «Славься, Отечество наше свободное!», что резко отличало ее от официальных заголовков в «Правде» («Государственный гимн Советского Союза») и «Известиях» («Гимн великой советской державы»). Внимание читателя было сразу приковано к двум концептам: *Отечество* и *свобода*. Они близки каждому и глубоко укоренены в сознании при помощи классической русской литературы. Вместе с тем читатели имели личное, семейно-биографическое представление об Отечестве и о свободе. Заголовок уводил от официально-политической оценки гимна (хотя там трижды упомянуто имя Сталина, но без эпитетов «мудрый» и «гениальный» – он назван только «великим организатором»).

Прежде всего Фадеев высоко оценил работу авторов текста: «Грозно и мужественно звучат слова гимна:

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем.

В этих словах – колоссальный смысл: до тех пор мы будем держать меч в руке, пока останется в мире хотя бы один захватчик, покушающийся на нашу Великую Родину. Мы не вложим наш меч в ножны, потому что:

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!»

«Это величественные слова, – продолжал Фадеев. – Это слова пророческие: судьба наша и детей наших и внуков, и правнуков решается в битвах, которые мы ведем и будем вести против всех темных сил, за счастье своего народа, за священное знамя советское, за неприкосновенность и свободу своей могучей державы. Торжественно и мощно звучит рефрен гимна: “Славься, Отечество наше свободное!”»¹.

Данная строка гимна в статье газеты «Литература и искусство» повторяется трижды. Можно предположить, что для деятелей искусства того времени концепты *Отечество* и *свобода* имели еще и особое значение, в том числе и для главного редактора: к этим дням Фадеев в полной мере узнал вкус несвободы и диктата политики в авторитарном государстве, и этот рефрен гимна притягивал его по личным соображениям, давал надежду на изменение порядков.

Здесь надо сказать, что в 1943 г. в журналах были напечатаны художественные произведения, в которых партийные цензоры не без оснований увидели намек на недостаток свободы, например, в книге Н.Н. Асеева «Годы грома». Поэт писал, что несмотря на все тяготы войны «плохо одетое, скверно обутое мужественное человечество» желает «жить по собственной воле»². Расширения творческой свободы желали многие писатели.

Не исключено, что поэтому в передовой статье 8 января 1944 г. Фадеев-редактор продолжил разговор о свободе, получила развитие мысль, знакомая по статье от 25 декабря. Здесь использован прием классической русской журналистики – говорить о болях современности на материале формально далеком от нее. «Во

¹ Славься, Отечество наше свободное! // Литература и искусство. 1943. 25 дек. С. 1.

² См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. С. 505.

имя свободы, во имя народа, – писал автор, – творили и боролись лучшие русские люди, мыслители, ученые, поэты. И не случайно, конечно, так часто сочетались в русской литературе самые близкие, самые дорогие русскому сердцу слова: народ и свобода».

«Тургенев говорил о Белинском: “Да, Белинский любил Россию, но он также пламенно любил просвещение и свободу: объединить в одно эти высшие для него интересы – вот в чем состоял весь смысл его деятельности, вот к чему он стремился”», – заключал автор статьи.

Потом он вспоминал о А.И. Герцене и Н.П. Огареве, которые умели «видеть “сквозь кровь и зарево пожара” (Герцен) солнце свободы, всю жизнь свою посвятили борьбе за свободу творчества». «Свобода творчества» – вот главное в концепте *свобода* для газеты художественной интеллигенции, это ее «объединяющая идея русской культуры». Далее шла цитата из стихотворения Огарева 1858 г. «Свобода». Уже два года как поэт покинул «край мой родимый и милый», чтобы «С чужбины до самого края родного / Взывать громогласно заветное слово: / Свобода! Свобода!»¹ В газете Фадеева процитирована другая строфа, менее подозрительная для цензуры, но, возможно, главному редактору лично близкая: «И если паду я среди битвы суровой, / Скажу, умирая, могучее слово: / Свобода! Свобода!»² Фадееву суждено было пасть «среди битвы суровой» через тринадцать лет. В письме «В ЦК КПСС» он говорил о «“дубинке” над литературой», о своем «гнусном существовании» в сталинские годы: «окрики, поучения, идеологические порки»³.

Учитывая это, можно лучше понять, почему почти половина статьи о «гимне советской державы» отведена раскрытию концепта *свобода*. Завершен раздел так: «Священные слова – народ и свобода – звучат в тексте нашего гимна. Если в прошлом эти слова соединялись лишь в мечте народа, в его стремлениях, то ныне они в самой жизни нашего социалистического отечества». В этой формулировке, политически правильной, дано шаблонное противопоставление настоящего прошлому. Но заканчивался абзац другой фразой: «И поэтому соединение вечных, могучих слов в тексте нашего гимна полно новым, высоким смыслом». Эта фраза о «вечных словах» позволяла мысленно перейти от большевистского понимания свободы к ее общечеловеческому содержанию. Что касается «нового, высокого смысла», то здесь газета явно предлагала читателям думать самостоятельно. А они, объединяя в своем сознании все три статьи этой газеты, могли подойти к мысли о том, что «национальная идея» непременно включает принцип свободы творчества в личной и народной деятельности.

Можно предположить, что, публикуя эти суждения о свободе, Фадеев в какой-то мере откликнулся на настроения московской литературной и художественной среды, для которой вопрос о свободе творчества оставался актуальным. Жажда свободы была всегда, в годы войны она усилилась, и о ней более раскованно говорили. Вспомним хотя бы то, что упоминалось выше: А.В. Александров «раззвонил» по всей Москве, что его музыку берут для гимна, хотя не должен бы никому сообщать о содержании о содержании разговоров о гимне с членами Политбюро.

Между тем политический контроль власти за творчеством продолжался. В те дни, когда Фадеев печатал статьи о концепте *свободы* в тексте гимна, в возглавляемом им Союзе советских писателей прорабатывали М.М. Зощенко за «Повесть о

¹ Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 223.

² Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы. С. 224.

³ Из письма А.А. Фадеев в ЦК КПСС.

разуме». Впечатление от этой «порки» было столь сильным, что и спустя месяцы писатель говорил: «Творчество должно быть свободным, у нас же всё по указке, по заданию, под давлением»¹.

Писатель другого стиля драматург В.В. Вишневский, пьесу которого «У стен Ленинграда» запретили в блокадном городе сразу после премьеры, говорил: «Я выступал в Москве... и в своих речах касался насущной для всех нас свободы творчества. Тысячи и тысячи людей верно поняли, что я говорил...<...> Мы воевали, мы боролись, дайте нам свободу слова»².

Можно не сомневаться, что Фадеев знал о таких настроениях гораздо больше, чем мы по публикациям новейшего времени. Гимн, воспевающий «солнце свободы», позволял говорить о ней, хотя и без указаний на ее отсутствие. Но об этом и так знали все, кто хотел это знать.

На Западе в стане советских союзников гимн, вероятно, был воспринят в основном эмоционально и чисто эстетически. Прослушав его, У. Черчилль написал Сталину 10 февраля 1944 г.: «Я получил от советского посла текст и ноты Советского Государственного Гимна, которые Вы сообразовали послать по моей просьбе.

Волнующая музыка этого Гимна несколько раз передавалась Британской Радиовещательной Корпорацией и будет и в дальнейшем передаваться в ознаменование русских побед. Поэтому я не сомневаюсь, что британский народ в скором времени очень хорошо будет знать Гимн»³.

Естественно, что пресса гитлеровской Германии не хотела говорить о «русских победах» и «Великой Руси». Она в это время изощренно скрывала масштабы поражений своих войск в Советском Союзе. Русские прогитлеровские газеты ей помогали. В Берлине этим занимался еженедельник «Новое слово», редактором-издателем которого был В.М. Деспотули⁴. Наличие радио, проникавшего в самые отдаленные уголки, не позволяло замолчать гимн. Значит, требовалось исказить его восприятие. Отклик «бывшего русского» появился в Берлине второго января.

В рубрике «Маленький фельетон» было напечатано корявое подражание известному произведению А.Т. Аверченко «Короли у себя дома». Сталин у открытого окна делал утреннюю зарядку и услышал, как рабочие поют о разрушении мира «голодных и рабов». Он возмущен. В ответ Берия, играя финским ножом, сообщил, что у него «даже концлагерники» по праздникам поют эту песню. Сталин вызвал наркомов, которые стояли перед ним «с *трясущимися* коленями», а Молотов, «придерживая рукой *трясущуюся* челюсть», спрашивал: «А... а... что ж делать...?» (курсив мой. – В.П.). Было приказано за одну ночь изготовить новый гимн. «Толкая друг друга и залезая впопыхах в чужие галоши, наркомы разбежались по Москве в поисках поэтов-ударников и композиторов-массовиков.

А на следующий день московское радио передало новый гимн Советского Союза»⁵.

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. С. 523.

² Цит. по: Докладная записка заместителя начальника Управления пропаганды и агитации... о положении в литературе // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. С. 545.

³ Цит. по изданию: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование: В 2 т. Т. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 57.

⁴ О нем см.: Раевская-Хьюз О. Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. М.; Париж: Русский путь, 2001. С. 18–19.

⁵ Ершов А. Рождение гимна // Новое слово. 1944. 2 янв. С. 3.

К карикатурному изображению советских лидеров берлинские читатели давно привыкли, новым было только то, что гимн, оказывается, сочинили за одну ночь, а стало быть, ловить в эфире такую скороспелку не стоит.

С той же целью уменьшить влияние музыки и текста гимна был опубликован материал в еженедельнике «Парижский вестник» – «Изданиях Управления делами русской эмиграции во Франции» (под редакцией Н.В. Пятницкого). Автор публикации – редактор газеты «Заря», находившейся под контролем генерала А.А. Власова, который в это время в помощь Германии формировал из русских военнопленных «Освободительную армию». Чтобы вызвать доверие читателя, автор дал курсивом сообщение Совета народных комиссаров о замене гимна (в данной работе цитировалось выше), но при этом повторяющееся название правительства (Советское) написал с маленькой буквы.

Отказ от «Интернационала» он трактовал только как политический ход для «дурачков», к которым причислил Рузвельта и Черчилля, объединившихся со Сталиным в Тегеране. Советский лидер представлен как деятель, который угодничает перед англо-американской «плутократией» и наносит тем самым «русскому народу пощечину за пощечиной». Такое изображение Сталина в германской прессе к этому времени стало традицией. Только следуя ей и могла существовать русская легальная газета в оккупированном Париже. Такую «свободу» они и хотели принести в Москву на гитлеровских штыках.

Первую строфу гимна автор процитировал с явно умышленным искажением одной строки («Сплотила навеки Великая Русь...»): в газете напечатано – «Сковала навеки Великая Русь...» (курсив мой. – В.П.). Замена глагола заставляла читателя думать не о понятии «Великая Русь», не об исторической памяти, а о возможном насильственном объединении народов в Советский Союз и отвлекала внимание от главного – от возвращения к понятию Русь. Эта диверсия против авторского текста косвенно подтверждает, что русские слушатели на Западе обсуждали и одобряли возрождение национальной памяти, а газета вынуждена была хулить текст гимна: «это неуклюжее стихотвореньице из стенгазеты»¹. Придирки к форме позволяли уйти от обсуждения содержания.

Этому же служила и предвзятая характеристика личностей авторов. Михалков представлен как известный в Москве «ловкий доставала», его коллега – как «спекулянт-контрабандист в Одессе»².

Однако редактору, видимо, донесли, что такой отклик имеет очень низкую эффективность, и через полтора месяца он дал место другому автору, который начал с сообщения, что «иногда» слушает московское радио. Для нас это важное подтверждение того, что русские в Европе слушали гимн. Чтобы нейтрализовать его воздействие, автор иронизировал над передачами радио (например, о трудовых достижениях колхозниц) и, наконец, переходил к оценке музыки гимна. Оказывается, со второго куплета он заметил, что музыку эту слышал: «Да ведь это же песня компартии! Точно та же музыка, только помедленнее играют, потому я ее сразу и не узнал...». И опять иронический комментарий: «И просто, и мило! И Александрову не надо трудиться, и Сталину не надо обращаться к какому-нибудь заключенному композитору...»³. Ирония смешана с вымыслом о «заключенном композиторе».

¹ Гранин Н. История с гимном // Парижский вестник. 1944. 8 янв. С. 5.

² Там же.

³ Демьян Уха. Новсовгосгимн // Парижский вестник. 1944. 26 февр. С. 5.

Автор знал, что русские слушали гимн по радио и у них крепла вера в справедливость своей Родины. Он это и подтверждал, сам того не желая, когда писал, что ему здешних «одураченных» гимном «совсем не жаль». Ему, сидящему в оккупированном Париже, было жаль «одураченный народ» России, который там якобы «дерется» за «мировой пожар», а не за национальную независимость своей Родины.

За этой оценкой гимна скрывалось большое беспокойство, вызванное наступательными операциями Красной Армии. В феврале-марте 1944 г. она успешно теснила германцев на Украине, в апреле начались наступательные операции в Крыму, был взят Симферополь, а в мае – Севастополь. Развенчивая гимн, прогерманская пресса отвлекала внимание от выраженной в нем уверенности – «захватчиков подлых с дороги сметем...» и от той реальности, которая всё очевиднее подтверждала правду этого утверждения.

В «Парижском вестнике» от 8 января 1944 г. к рецензии на гимн примыкала большая антибольшевистская статья Д.С. Мережковского (умер в декабре 1941 г.), впервые напечатанная в 1942 г. итальянским фашистским журналом, издававшимся тоже в Париже¹. Публикация русского текста была осуществлена с разрешения вдовы писателя З.Н. Гиппиус (она умерла в сентябре 1945 г.). Во врезке редакция сообщала: «Приветствуя 22 июня 1941 года начало войны под знаменем Фюрера против большевистской нечисти, он приступил в своих докладах к активному сотрудничеству с органами германской пропаганды против большевизма...»².

Статья Мережковского завершалась словами о том, что вторжение гитлеровских войск в Советский Союз – это «геройский подвиг, взятый на себя Германией в Святом Крестовом Походе против большевизма»³. Здесь Мережковский мыслил точно так же, как писали публицисты партийной газеты под редакцией А. Розенберга. «Вот почему теперь, – продолжал Мережковский, – когда закачались стены этой проклятой Бастилии под страшными ударами германского оружия, русские эмигранты со всеми глубоко сознательными людьми всех народов чувствуют, что в них загорается пламенная надежда:

Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия,
Они всколосятся – верьте!
Поля ее золотые!»⁴

Подобная надежда была выражена и в стихотворении С.В. Михалкова «После войны» (1944):

Зарастут травой траншеи
На местах бывших боев.
С каждым годом хорошея,
Встанут сотни городов.
И в хорошие минуты
Вспомнишь ты и вспомню я,
Как от вражьих полчищ лютых
Очищали мы края.

¹ См.: *Джулиано Дж.* Русские при «дворе» Муссолини // «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века / Сост., науч. ред. А. Д.Амелия, Д. Рицци. М., 2011; С. 287; *Полонский В.В.* Д.С. Мережковский – писатель и политик // Вестник истории литературы и искусства / Гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 2008. Т. 5. С. 355; *Перхин В.В.* Художественная позиция журнала «Иллюстрированная Россия» (1926–1939) // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусства. 2014. № 1. С. 79–80.

² От редакции // Парижский вестник. 1944. 8 янв. С. 4.

³ *Мережковский Д.* Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. 8 янв. С. 5.

⁴ Там же.

Чета Мережковских надеялась на возрождение после победы гитлеризма над большевизмом, а Михалков и народ – на восстановление после разгрома и изгнания гитлеровских армий. Разница существенная! Михалков, как и народ, хотел расцвета на земле, свободной от чужеземных руководителей, – Мережковские желали жить в России под контролем завоевателей. Вероятно, положение Австрии, Франции, Чехии их устраивало.

Мережковский и публикатор статьи покойного супруга и автор процитированного им стихотворения 1918 г. не стеснялись говорить от имени всей эмиграции. Но далеко не все русские в Западной Европе думали, как «прислужники» Гитлера. Страшная логика супружеской четы, ослепшей от политической злобы, многим была чужда¹. Русский народ смотрел на гитлеровцев – как на «отребье человечества», которое надо «загнать в гроб». С помощью своей армии он это успешно делал. И в 1944 г., вместе с ней, сдержал слово: «Захватчиков подлых с дороги сметем...»

Гимн на музыку А.В. Александрова укреплял веру в Победу. А строка «Мы в битвах решаем судьбу поколений...» оказалась пророческой: народы уже несколько поколений живут мирной жизнью.

Весной 1944 г. появилась брошюра о гимне В.С. Кружкова, члена редакционной коллегии газеты «Правда», директора Института Маркса – Энгельса – Ленина. Концепты *Великая Русь* и *свобода* он не рассматривал. Но привел важные статистические данные. До 1 мая 1944 г. боевые награды получили 2 227 676 бойцов – представителей многих народов Советского Союза. Среди них первые три места занимали: русские – 1 552 025, украинцы – 312 925, белорусы – 93 066. Звание Героя Советского Союза получили воины сорока шести национальностей, в том числе среди русских 3023 бойца, украинцев – 747, татар – 89². Статистика подтверждала верность тезиса «Сплотила Великая Русь». Но духовный смысл концепта *Великая Русь*, связанный с исторической памятью народа, не рассматривался. Политическое наследие 1923 г. продолжало влиять на сознание. Однако были деятели, которые противились несправедливым политическим оценкам. В 1945 г. они добились, чтобы было отмечено хотя бы только статьей в «Литературной газете» пятидесятилетие со дня рождения С.А. Есенина, обещавшего славить страну с названием Русь³. Во второй половине 1950-х гг. А.Т. Твардовский настойчиво предлагал включить стихи «этого выдающегося русского лирика» в школьные программы по литературе⁴. Думается, что путь к согласию с этим предложением работников Управления пропаганды и агитации пролагала и строка гимна о Великой Руси.

6 мая 2019

¹ Например, Б.К. Зайцев, тогда же печатавший в «Парижском вестнике» главы из книги «Лето Господне» с целью пробуждения национального самосознания эмигрантов, после войны писал, что русский народ сохранил свою веру и не потерял способность к проявлению личной инициативы, что Советская Россия «не просто безлика и бездушная сила роботов. Всё гораздо сложнее» (Зайцев Б.К. Предисловие // Коряков М. Освобождение души. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. VIII).

² Кружков В. Гимн Советского Союза. М.: Военное изд-во, 1944. С. 24–25.

³ Перцов В. Сергей Есенин // Литературная газета. 1945. 20 окт. С. 3.

⁴ Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1963. С. 232.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. Кантата о Сталине «От края и до края...» для хора с фортепиано / Текст М. Инюшина. М.: Музгиз, 1945.

Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; Патриарх; 1877–1970). Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи: В 4 т. [Т. 1]: 1941–1948. М.: Моск. патриархия, 1948. 248 с.

Безыменский А.И. Как пахнет жизнь / Предисл. Л. Троцкого. М.: Красная новь, 1924. 87 с.

Безыменский А. Стихи мобилизованы: Отчет о работе на Сталингр. тракторном заводе. Книга отчетов вторая. 28 апр. – 28 мая 1931 г. М.: [тип. газ. «Правда»], 1931. 93 с., ил.

Безыменский А. Избранное. М.: Гослитиздат, 1949. 387 с.

[Б.п.] Гимн // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 73–74

[Б.п.] Музыка государственного гимна // Литература и искусство. 1944. 1 янв.

[Б.п.] Гимн советской державы // Литература и искусство. 1944. 8 янв.

Боже Царя Храни! 1833–1993: Сб. СПб.: Царскосельское Военно-историческое общество, 1993. 40 с.

Бородин С. Величие Советской Державы // Литература и искусство. 1943. 25 дек.

Васильева И.А. История государственных символов России: Учебное пособие. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2015. 146 с.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Во славу Родины. Призыв к труду и победам // Правда. 1944. 2 янв.

Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; УМСА-Press, 2001. 400 с.

Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка = Leningrad in struggle. Postcard : энциклопедический каталог. СПб.: Инфо-да, 2007. 527 с.: ил., портр., табл., факс., цв. ил.

Гимн в первый день января 1806 года. М.: Университетская типография, 1806. 1 с.

Гимн великой советской державы // Известия. 1943. 21 дек.

Гимны разных народов / С объясн. текстом В.А. Смирнова. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. 32 с.

Гимны союзных наций великой войны 1914–1915 гг. / Для великорусского оркестра нар. инструментов инструментовал Вл. Насонов. Пг. и др.: Ю. Циммерман, [1915]. 41 с.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17: Рассказы, очерки, воспоминания: 1924–36. М.: Гослитиздат, 1952. 443 с., ил.

Гранин Н. История с гимном // Парижский вестник. 1944. 8 янв.

Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–23 апреля 1923 г. М.: Красная нива, 1923.

Дегтярев А.Я. Символы Отечества: [история главных государственных символов современной России – флага, герба, Знамени Победы и гимна Российской Федерации] / Александр Дегтярев, Надежда Соболева. М.: Парад, 2015. 68, [2] с., ил.

Декларация трех Держав // Вечерняя Москва. 1943. 7 дек.

Демьян Уха. Новсовгосгимн // Парижский вестник. 1944. 26 февр.

Единый, могучий Советский Союз // Правда. 1944. 1 янв.

- Ершов А.* Рождение гимна // Новое слово. 1944. 2 янв. С. 3.
- Зайцев Б.К.* Предисловие // Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. I–VII.
- Известия Советов депутатов трудящихся. 1943. 21 дек.
- Издание текста и нот государственного гимна Советского Союза // Правда. 1944. 7 янв.
- Ипполитов-Иванов М.М.* Гимн-марш 1812 г.: Для 2-х голос. хора с сопровожд. фп. / Сл. Е. Федотовой. М.; Лейпциг: П. Юргенсон, [1911]. 7 с.
- Калашников Г.В.* Гимны России: Пособие для сред. шк., лицеев, гимназий, училищ. М.: Музыка, 2005. 77, [2] с.: ил., ноты, портр.
- Кантаровский Я.* Гимн на благополучное бракосочетание их сиятельств, графа Франциска Браницкаго великаго короннаго гетмана, разных орденов кавалера и графини Александры Васильевны, урожденной Энгельгардовой, ея императорскаго величества камер-фрейлины. СПб., 1781. VI, 2 с.
- Колхозный хор разучивает государственный гимн // Правда. 1944. 20 янв.
- Кружков В.* Гимн Советского Союза. М.: Воен. изд-во, 1944. 30 с.
- Крылов В.* Кантата на священное коронование Его императорскаго величества Государя императора Николая II. СПб., 1896.
- Кустодиев Б.М.* Русь: Русские типы Б.М. Кустодиева / Слово Евг. Замятина [Фототипии исполнены с акварелей Б.М. Кустодиева, сделанных им в 1919–1920 гг. Фронт., обл. и украшения исполнены Б.М. Кустодиевым для настоящего изд.]. Пб.: Аквилон, 1923. 22, [1] с., ил.
- Лебедев-Кумач В.И.* Под красной звездой: [Для ст. возраста] / Рис. Н. Шишловского. М.; Л.: Детиздат, 1941. 64 с.: ил.
- Лебедев-Кумач В.И.* Гимн партии большевиков // Лебедев-Кумач В.И. Под красной звездой. М.; Л.: Детиздат, 1941. С. 8–9.
- Медведева И.* О «гимнах» Прокофьева. Публикация эскизов Государственного гимна Р.С.Ф.С.Р // Сергей Прокофьев. Письма, воспоминания, статьи: К 110-летию со дня рождения. М.: ГЦММК, 2001. С. 212–215.
- Мережковский Д.* Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. 8 янв.
- Михалков С.* От и до... М.: АСТ Олимп, 1997. 474,[6] с., ил.
- Михалков С.В.* Самый главный великан. [Воспоминания.] М.: АСТ, 2013. 448 с.
- Михалков С.В.* Что такое счастье. М.: ЭКСМО, 2007. 320 с., ил.
- Михалков С.В., Дмитровский А.З.* Три гимна в XX веке. Калининград: Янтарный сказ, 2003. 78, [1] с.
- О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию Гимна Союза Советских Социалистических Республик // Литература и искусство. 1944. 8 янв.
- Огарев Н.П.* Стихотворения и поэмы. Л., 1961. 482 с.
- Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1924–1925 гг. / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1991. 226 с.
- От редакции // Парижский вестник. 1944. 8 янв.
- «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века: сб / [Сост., науч. ред.: Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци; пер. с итал. Анны Ямпольской]. М.: Русский путь, 2011. 318 с., ил.
- Перхин В.В.* Художественная позиция журнала «Иллюстрированная Россия» (1926–1939) // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та культуры и искусства. 2014. № 1. С. 79–80.

- Перцов В.* Сергей Есенин // Литературная газета. 1945. 20 окт. С. 3.
- Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование: В 2 т. Т. 2. М.: ОЛМА медиа групп, 2015. 768 с.
- Писарев А.А.* Гимн русскому царю. М., 1826.
- Прием тов. И.В. Сталиным митрополита Сергия, митрополита Алексия и митрополита Николая // Правда. 1943. 5 сент.
- Приуральский К.* Гимн царю самодержцу и воинству земли русской. СПб.: Тип П.П. Сойкина, 1904.
- Прощальный гимн. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1855.
- Прощальный гимн воспитанниц Харьковского института благородных девиц. Харьков: Тип фирмы А. Дарре, 1908
- Разучивание нового гимна // Правда. 1944. 10 янв.
- Розанов В.* Народный гимн в воспоминание о двадцатипятилетнем царствовании царя-освободителя и царя, и отца русского народа Александра Николаевича. Веймар: Тип. Г. Ушмана, 1880.
- Русь. Стихи русских поэтов. М.; Л.: Детгиз, 1943.
- Самодельные кружки разучивают новый гимн // Правда. 1944. 14 янв.
- Сборник гимнов, маршей, русских народных и малорусских песен / Собр. И.И. Лопатовский. Лодзь: Тип. Ф.М. Кулиша, 1903. 32 с.
- Славься, Отечество наше свободное! // Литература и искусство. 1943. 25 дек.
- Соболева Н.А.* Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 25–41
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Юрий Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989, [1] с.: ил., табл., портр., факс.
- Твардовский А.Т.* Статьи и заметки о литературе. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1963. 258 с.
- Цыпин В.А., прот.* История Русской Православной церкви, 1919–1994: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. 256 с.
- Шкаренков П.П.* Гимн // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Intrada, 2008. С. 45–48.
- Юрченко Т.Г.* Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. редактор А.Н. Николюкин. М.: ИПК «Интелвак», 2001. Стлб. 177–179.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

REFERENCES

- Aleksandrov A. Cantata about Stalin “From the Edge to the Edge ...” for choir with piano / Author of text is M. Inyushin. Moscow. Muzgiz Publ. 1945.
- Alexy I (Sergey Simansky; Patriarch; 1877–1970). Words, Speeches, Epistles, Appeals, Reports, Articles: In 4 vols. [Vol. 1]: 1941–1948. Moscow. Moscow Patriarchate Publ. 1948. 248 p.
- Bezymensky A.I. (1924) What Life Smells Like / Foreword of L. Trotsky. Moscow. Krasnaya Nov Publ. 87 p.
- Bezymensky A. Poems Mobilized: Report on the Work at the Stalingrad Tractor Plant. The second book of reports. Apr 28 – May 28, 1931. Moscow. [Typography of the Newspaper “Pravda”], 1931. 93 p., ill.

- Bezymensky A. (1949) Selected Works. Moscow. Goslitizdat Publ. 387 p.
- Borodin S. The Greatness of the Soviet State. *Literatura i Iskusstvo*. 1943. Dec. 25.
- “Characters in Search of the Author”: Russian Life in Italy of the 20th century: Collection. [Comp., scientific. ed.: A. D’Amelia, D. Rizzi] / Translation from Italian by A. Yampolskaya. Moscow. Russky Put Publ. 2011. 318 p., ill.
- Collection of Hymns, Marches, Russian Folk and Little Russian Songs / Collect. by I.I. Lopatovsky. Lodz. Typography of F.M. Kulish. 1903. 32 p.
- Collective Farm Choir learns the State Hymn. *Pravda*. 1944. Jan. 20.
- Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the United States and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945: In 2 vols. [Reprint] / Foreword by Nikolay Starikov. Vol. 1: The correspondence of I. Stalin with Winston Churchill and K. Attlee (July 1941 – November 1945). Moscow. Piter Publ. 2014. 445, [2] p.
- Ershov A. The Birth of the Hymn. *Novoe Slovo*. 1944. Jan. 2, P. 3.
- Farewell Hymn. St.-Petersburg. Typography of the Naval Cadet Corps. 1855.
- Farewell Hymn of the Kharkov Institute of Noble Maidens. Kharkov. Typography of A. Darre Company. 1908.
- For the Glory of the Motherland. Call to Work and Victories. *Pravda*. 1944. Jan. 2.
- From the Editorial Board. *Parizhsky Vestnik*. 1944. Jan. 8.
- Gdalin A.D., Ivanova M.R.* Leningrad in Struggle. Postcard: Encyclopedic Catalog. St.-Petersburg. Info-da Publ. 2007. 527 p., ill.
- God, Save the Tsar. 1833–1993: Collect. St.-Petersburg. Military Historical Society of Tsarskoye Selo Publ. 1993. 40 p.
- Hymns of the Allied Nations of the Great War of 1914–1915 / For the Great-Russian orchestra of folk instruments adapted by Vl. Nasonov. Petrograd etc.: Yu. Tsimmerman Publ. [1915]. 41 p.
- Hymns of Different Nations / With explanatory text of V.A. Smirnov. Moscow. Partnership I.D. Sytin Publ. 1915. 32 p.
- Hymn of the Great Soviet State. *Izvestiya*. 1943. Dec. 21.
- Hymn on the First Day of January 1806. Moscow. University Press. 1806. 1 p.
- Gorky M. Collected Works: In 30 vols. Vol. 17: Stories, Essays, Memories: 1924–36. Moscow. Goslitizdat Publ. 1952. 443 p., ill.
- Granin N. Story with Hymn. *Parizhsky Vestnik*. 1944. Jan. 8.
- Declaration of the Three States. *Vechernyaya Moskva*. 1943. Dec. 7.
- Degtyarev A. Ya. (2015) Symbols of the Fatherland: [the history of the main state symbols of modern Russia – the flag, the coat of arms, the Victory Banner and the Hymn of the Russian Federation] / Alexander Degtyarev, Nadezhda Soboleva. Moscow. Parad Publ. 2015. 68, [2] p., ill.
- Demian Ukha. Novsovgosgimn. *Parizhsky Vestnik*. 1944. Febr. 26.
- In Amateur Circles Learn the New Hymn. *Pravda*. 1944. Jan. 14.
- Ippolitov-Ivanov M.M. Hymn-March of 1812: For 2 voices of chorus with piano accompaniment / Words of E. Fedotova. Moscow; Leipzig. P. Yurgenson Publ. [1911]. 7 p.
- Izvestiya Sovetov Deputatov Trudyachshikhsya*. 1943. Dec. 21.
- Kalashnikov G.V. (2005) Hymns of Russia: Tutorial for Secondary Schools, Lyceums, Gymnasiums, Colleges. Moscow. Muzyka Publ. 77, [2] p., ill.

Kantarovsky Ya. (1781) An Hymn to the Prosperous Marriage... Countess Alexandra Vasilievna, née Engelgardova... . St.-Petersburg. VI, 2 p.

Kruzhkov V. (1944) Hymn of the Soviet Union. Moscow. Voennoye Izdatelstvo. 30 p.

Krylov V. (1896) Cantata to the Holy Coronation of His Imperial Majesty Emperor Nikolas II. St.-Petersburg.

Kustodiev B.M. (1923) Rus': Russian Types of B.M. Kustodiev / A Word of E. Zamyatin [For phototypes were used watercolors of B.M. Kustodiev made by him in the years 1919–1920. Front., Reg. and the decorations are executed by B.M. Kustodiev for this edition. Frontispiece, cover and decoration were executed by B.M. Kustodiev for this edition]. Peterburg. Akvilon Publ. 22, [1] p., ill.

Learning a New Hymn. *Pravda*. 1944. Jan. 10.

Lebedev-Kumach V.I. (1941) Under the Red Star / Illustrations of N. Shishlovsky. Moscow; Leningrad. Detgiz Publ. 64 p., ill.

Lebedev-Kumach V.I. Hymn of Bolsheviks Party. In: Lebedev-Kumach V.I. Under the Red Star. Moscow; Leningrad. Detgiz Publ. 1941, pp. 8–9.

Medvedeva I. (2001) On the “Hymns” of Prokofiev. Publication of Sketches of the National Hymn by RSFFS. In: Sergey Prokofiev. Letters, Memoirs, Articles: To the 110th Anniversary. Moscow, pp. 212–215.

Meeting with Emigration: From the Correspondence of Ivanov-Razumnik 1942–1946 / Ed., introduction, preparation of the texts, and comment. by O. Raevskaya-Hughes. Moscow; Paris. Russky Put and YMCA-Press. 2001. 400 p.

Merezhkovsky D. Bolshevism and Humanity. *Parizhsky Vestnik*. 1944. Jan. 8.

Mikhalkov S. (1997) From and to Moscow. AST Olimp Publ. 474, [6] p., ill.

Mikhalkov S.V. (2013) The Most Main Giant. [Memories.] Moscow. AST Publ. 448 p.

Mikhalkov S.V. (2007) What is Happiness. Moscow. EKSMO Publ. 320 p., ill.

Mikhalkov S.V., Dmitrovsky A.Z. (2003) Three Hymns in the 20th century. Kaliningrad. Yantarny Skaz Publ. 78, [1] p.

On the Remuneration of Poets and Composers Who Took Part in the Work on the Creation of the Hymn of the Union of Soviet Socialist Republics. *Literatura i Iskusstvo*. 1944. Jan. 8.

Ogarev N.P. (1961) Poems. Leningrad. 482 p.

Pechatnov V.O., Magadeev I.E. Correspondence I.V. Stalin with F. Roosevelt and Winston Churchill during the Great Patriotic War. Documentary Study: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. OLMA Media Grupp Publ. 2015. 768 p.

Perkhin V.V. The Artistic Position of the Journal “*Illustrirovannaya Rossiya*” (1926–1939). *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2014. No 1, pp. 79–80.

Pertsov V. Sergey Yesenin. *Literaturnaya Gazeta*. 1945. Oct. 20, p. 3.

Pisarev A.A. (1826) Hymn to the Russian Tsar. Moscow.

Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of CK VKP(B) – OGPU – NKVD on the Cultural Policy of 1917–1953 / Compil.: A. Artizov and O. Naumov. Moscow. Mezhdunarodny Fond “Demokratiya” Publ. 1999. 872 p.

Praise Our Free Fatherland! *Literatura i Iskusstvo*. 1943. Dec. 25.

Priuralsky K. (1904) Hymn to the Tsar, the Autocrat and the Host of the Russian Land. St.-Petersburg. Typography of P.P. Soykin.

Publication of the Text and Notes of the National Hymn of the Soviet Union. *Pravda*. 1944. Jan. 7.

Reception by Comrade I.V. Stalin of Metropolitan Sergiy, Metropolitan Alexy and Metropolitan Nicholy. *Pravda*. 1943. Sept. 5.

Rozanov V. (1880) The National Hymn in Memory of the Twenty-Five Years of the Reign of the Tsar Liberator and the Tsar, and the Father of the Russian People, Alexander Nikolaevich. Weimar. Typography of G. Ushman.

Russia. Poems of Russian Poets. Moscow; Leningrad. Detgiz Publ. 1943.

Shkarenkov P.P. Hymn. In: Poetics. Dictionary of Actual Terms and Concepts. Moscow. Intrada Publ. 2008, pp. 45–48.

Soboleva N.A. Creating National Hymns of the Russian Empire and the Soviet Union. *Voprosy Isrorii*. 2005. No 2, pp. 25–41

Stepanov Yu.S. (2001) Konstanty: Dictionary of Russian Culture. 2nd ed, corrected and add. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ. 989, [1] p., ill.

The Fates of Russian Intelligentsia. Materials of the Discussion of 1924–1925 / V.L. Soskin (Ch. ed). Novosibirsk. Nauka Publ. 1991. 226 p.

The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report. April 17–23, 1923. Moscow. Krasnaya Niva. 1923.

Tsybin V.A., archpriest. (1994) History of the Russian Orthodox Church, 1919–1994: A Textbook for Orthodox Theological Seminaries. Moscow. Publishing House “Khronika”. 256 p.

Tvardovsky A.T. (1963) Articles and Notes on Literature. 2nd ed., add. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 258 p.

United, Mighty Soviet Union. *Pravda*. 1944. Jan. 1.

Vasilyeva I.A. (2015) History of State Symbols of Russia: Tutorial. Moscow; Pyatigorsk. RIA-KMV Publ. 146 p.

[Without a Signature]. Hymn. In: Literary Encyclopedic Dictionary. Moscow. 1987, pp. 73–74.

[Without a Signature]. Music of the State Hymn. *Literatura i Iskusstvo*. 1944. Jan. 1.

[Without a Signature]. Hymn of the Soviet State. *Literatura i Iskusstvo*. 1944. Jan. 8.

Yurchenko T.G. Hymn. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed by A.N. Nikol'yukin. Moscow. Intelvak Publ. 2001. Columns 177–179.

Zaytsev B.K. Foreword. In: Koryakov M.M. Soul Liberation. New York: Publishing House named Chekhov. 1952, pp. I–VII.

Сведения об авторе:

Владимир Васильевич Перхин,
доктор филол. наук
профессор
независимый исследователь

Vladimir V. Perkhin,
Doctor of Philology
Professor
Independent Researcher

perhin-vlad@yandex.ru